

ИЗДАНИЕ ОБЩ. ИИ. М. КЯЧКОВСКОГО

Мартъ 1914.

Ч. 459.

Куба Блудъ.

Повѣсть изъ недавнихъ временъ,
больше правды, меньше байки

Написалъ

Антоній Ивановичъ.

Изъ поэзій Степана Шаха.

Мо л и с л

Оу ч и с л

Тр ъ д и с л

Тр е з в и с л

ЛЬВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ М. Рееца.

За редакцію отвѣчаетъ : Филиппъ И. Свистунъ.

Цѣна 30 гел.

РУССКАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ

**въ Ставропигійскомъ Институтѣ
Львовѣ, Бляхарская ул. ч. 11
подъ управленіемъ ПЕТРА ПОДОЛЯКА**

принимаетъ въ переплеть въ различныхъ родахъ
якъ въ кожу, такъ и въ полотно, равноже и въ
изящномъ видѣ

молитвословы, всѣ церковныи книги, Евангелія,
приходскіи и громадскіи друксорты, всѣ мірскіи
сочиненія, также всѣ другіи галентерійно пере-
плетничіи работы,

входящии въ кругъ переплетничого искусства. Всѣ
работы исполняются совѣстно, крѣпко и изъ самого
лучшого матеріала подъ наблюденіемъ префекта изъ
рамени Ставропигійского Института по умѣреннымъ
цѣнамъ. Съ заказами просимъ обращаться въ пере-
плетную въ Ставропигійскомъ Институтѣ,

ЛЬВОВЪ, ул. Бляхарская № 11.

Работы изъ провинціи исполняются въ про-
долженіи 24 ч.

2096 13

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА ИМЕНИ МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО.

Мартъ 1914.

Ч. 459.

19.540

Львѣв. Бібліотека
АН УРСР

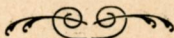
Куба Блудъ.

Повѣстка изъ недавныхъ временъ,
больше правды, менше байки.

Написалъ

АНТОНІЙ ИВАНОВИЧЪ.

ИЗЪ ПОЭЗІИ СТЕПАНА ШАХА.

ЛЬВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Ставропигійского Института
подъ управ. М. Рефція.

За редакцію отвѣчае: Филиппъ Ив. Свистунъ.

8(c)У.": 1917"-3

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА

АН УРСР

№ И 59573

До пятьдесяти лѣтъ тому назадъ не было въ жидачѣвскѣмъ повѣтѣ такого человѣка—особенно изъ тѣхъ, що то по ярмаркахъ часто бывали — который не знался или хотя не чувальбы про славного на той часъ Кубу.

Возможно, що еще и нынѣ найдется гдесъ ктось — возможно изъ старшихъ, которыи держатся еще старого завѣта: ярмарки, оказіи и корчмы николи не минай, бо кто все то минае, той доли не знае — такъ если есть кто еще изъ тѣхъ, що того давного завѣта придержуеся, то навѣрно буде знати щось про славного колисьто въ жидачевщинѣ Кубу.

Та если многіи знали его въ повѣтѣ, то не дивота буде, що въ селѣ, въ которѣмъ до смерти онъ проживаль, знала про „Кубу“ даже каждая мала дитина. Сегодня, коли уже пятьдесятъ лѣтъ минае, якъ небѣщикъ Куба померъ, а собственно хотя и померъ обыкновенною человѣческою смертію, но все таки онъ небѣщикъ, то кажется менѣ, що даже знавшіи его въ дѣтствѣ

съ трудомъ его собѣ пригадуютъ, а може и не пригадуютъ.

Но разъ началъ я розказувати вамъ про того колись славного Кубу, такъ и докѡнчу про него. Докѡнчу, хотя-бы тѣ, щѡ его въ дѣтствѣ видѣли, его и не пригадували-бы. А хочу розказати, щобы показати, що каждая рѣчь мае свѡй початокъ и причину.

Быль тотъ Куба колись славный не то на село, а на цѣлый повѣтъ. Уродился онъ — но щѡ буду писати вамъ про его уродины, коли онъ самъ про нихъ неоднаково говорилъ. То быль человѣкъ и свѣтовый и бывалый. Свѣтовый потому, бо гдесъ изъ свѣта до насъ заплентался — а бывалый, бо въ многихъ селахъ и мѣстахъ бывалъ, скитался, закимъ у насъ въ селѣ опинился, та тутъ его и смерть по кѡлькохъ лѣтахъ захопила. Паперѡвъ-документѡвъ не имѣлъ нѣякихъ, батька свого не зналъ цѣлкомъ, про маму щось троха памяталъ. Одно зналъ на вѣрно, що дѣйствительно уродился и що его окрещено, та що на св. Крещеніи дано ему польское имя Куба, т. е. наше русске Якова. Та однакъ, якъ зналъ на певно свое крестне имя, такъ що до своей фамиліи, значить своего прозвища не имѣлъ найменьшой певности.

А писался нашъ Куба по прозвищу „Блудъ“. Бачу, що вамъ, почтенни читатели, кажесъ дивнымъ таке прозвище, та оно хотя и дивное, однакъ правдивое. А чому нашъ Куба Блудомъ звался? — не знаю! Кажуть гдекоторыи, що тому, що его мати блудомъ ходила, та тому и его латинскій ксендзь въ метрику Блудомъ записалъ, бо про его отца метрика якось ничего не писала. Другіи казали, що въ метрицѣ Блудъ по мамѣ

цѣлкомъ инакше писался, даже якосъ такъ „съ паньска“, бо то онъ не абы яка была собѣ дитина! А Блудомъ — кажутъ — то его уже такъ у насъ въ селѣ прозвали, разъ ддятого, що не могли добре его паньского прозвища вымовити та затымити, по друге—кажутъ и потому, що долго небѣщикъ по свѣту блукался, закѣмъ до насъ прибудилъ. А третьи кажутъ, що покойный нашъ русскій егомость, хотя знали добре его родове прозвище, однакъ нарочно его задля не исправимого, грѣшного житя Блудомъ прозвали. А людямъ въ то грай, пѣдхопили, та съ тѣмъ прозвищемъ и скончался.

Такъ дѣйствительно Куба Блудъ, одѣтый съ шляхотска, однако съ дѣрами въ одежѣ, та съ съ босыми пальцами, вызирающими съ чобѣтъ, съ паличкою въ руцѣ, передъ кѣлькома лѣтами прибудукался въ наше село, та тутъ панъ дѣдичъ принялъ его на якусь службу. Тутъ въ селѣ ему такъ подобалося, що и оженился.

Но вѣрный своему прозвищу почалъ вести блудну жизнь, за що дѣдичъ увѣльнилъ его изъ службы, а Куба началъ вести господарку на куниѣ жѣночого грунта, бо своего не посѣдалъ.

Такъ, любезныи читатели, познакомилися съ Кубою и знаютъ, що колись-то былъ жилъ въ селѣ Ц. Куба Блудъ, знанный каждому въ селѣ, извѣстный и многимъ въ повѣтѣ. Не было въ селѣ нѣякихъ крестинъ, весѣлья, гостины, нѣякой окази, не было нѣякой ярмарки, купна - продажи где недоставало-бы Кубы. Онъ все куповати, торговати, продавати помогаль, порочиль-ганиль, прихвалюваль, но и первый все и всюда пиль-могоричъ. Самъ для себе не куповаль, ни своего не продаваль, бо звычайно якъ добра людина

на себе позабыль, о другихъ радѣль, другому, якъ кажутъ, радбы неба прихилити.

Та видно, Богъ Всевѣдучій згяючи его натуру, не далъ ему дѣтей, та и небѣженька жена не долго съ нимъ капарила, кажутъ, съ грызоты померла. Но все таки Куба за свое добре сердце нашолъ собѣ пріятеля и опѣкуна. Рудый Гершко, который былъ колись корчмаремъ еще въ старой корчмѣ при млынѣвицѣ, заопѣкувался сердечно бѣднымъ Кубою по смерти жены и самъ за него продалъ хату, обѣстье и кусень поля, якіи припалъ Кубѣ по небѣжцѣ, а Кубѣ далъ бесплатный теплый кутъ въ день въ корчмѣ за столомъ или на лавѣ, а на нѣчь мѣстилъ его, куда попало.

„Така уже видно моя доля, щобы я до смерти блудиль, бодай не сконали тѣ, що мене блудомъ прозвали, та долю таку дали!“ — нярѣкаль иногда Куба, коли прійшлося ему про свою долю погадати, а що про самого себе мало коли гадалъ, то и дуже рѣдко такъ нарѣкаль.

Было то на рѣчной ярмарцѣ въ мѣсточку Ж. Тогда то неѣтступный товаришь Кубы, съ которымъ оба дуже любилися — шкода лише, що не одна ихъ мати родила и не одно имъ прозвище дала — а съ которымъ то товаришемъ, Богъ знае чому, кумами звалися — той товаришь и кумъ Трофимъ продавалъ безроги. Кому якъ кому, но Трофиму любому куму треба было такой помочи продати и Куба помогаль, торговаль, захваляль, радиль, поддавалъ, накладаль — вкѣнцѣ Трофимъ продалъ безрогу за 38 срѣбла.

— Га, Трофиме-куме, думаю, що добре продали, я пробовалъ всякихъ штукъ, но больше не можнѣ было натягнути, бо теперь такій часъ! — Та чи не выпити бы намъ могоричъ, куме?—приступилъ впростъ до дѣла Куба, — а слина ажъ ковтнула голосно черезъ его довгу, костисту шею, а лѣвымъ окомъ вдивился въ сусѣда такъ любо и мило, що годѣ бы было для Трофима опертися тому погляду.

Та щобы читатель, такой полно Кубу пѣзналъ, то и скажу, чому онъ лише лѣвымъ окомъ дивился. Пправе око Кубы затыгнулося грубымъ бѣльмомъ. Не велика съ него была корысть для Кубы, когда не было на немъ бѣльма, бо оно все зазірало зызомъ и пхалося гдесъ въ куть мовьбы пѣдъ нѣсъ, а тогды велике бѣлко надавало якійсь немилый выгядъ его опаленному, чорному и такъ неприглядному лицу. А съ бѣльмомъ не было уже видно зыза и бѣлко такъ страшно не свѣтило, та нашому Кубѣ, якъ казали люди, было съ бѣльмомъ немного до лица!

И за ту окрасу лица т. е. то бѣльмо онъ долженъ былъ вдячнымъ небѣжцѣ-жѣнцѣ до смерти. Разъ коли еще за еѣ памяти взялся Кубы блудъ и по ярмарцѣ онъ показался ажъ другого дня до хаты, та и всѣ грошѣ за три качки гдесъ нечистый отъ него взялъ, бѣдна небѣжка попала въ лють на „нечистого“, та щобы его разъ на всегда прогнати, щобы блудомъ еѣ человѣка не чѣпался — замахнулася, та якось держакомъ отъ коцюбы попала прямо въ зызовате око Кубы. Вхопился Куба за око, но не помогло уже. Лизался, лизалъ, а бѣльмо все таки и по смерти покойницѣ осталось.

Такъ одинокимъ лѣвымъ окомъ поглянуль онъ по ярмарцѣ на кума Трофима, а той не въ темя битый, и уже по хвилѣ опинилися въ шинку Фишлика за столомъ. Гостилися тамъ до пѣздна. Ажъ гдесъ третьёго дня по ярмарцѣ показался въ селѣ, а кума Трофима не стало. Говорили, що другого дня по ярмарцѣ видѣли его въ мѣстѣ, якъ съ якимись панами поѣхаль съ Жидачева своимъ однимъ конемъ и фѣрою кудась мовь на Бережанщину.

Минали дни и ночи, миналь уже тыждень ба и другій, а по Трофимѣ ни слѣда! Казали, що гдесъ въ дорозѣ блудъ его причепился и пѣгналь свѣтами. Отъ такъ оно тому, кто съ блудомъ пристае.

Ходила Трофимиха, заводила, ходили дѣти заводили, плакали, бѣдькали, нарѣкали.

Пропаль Трофимъ, якъ камень въ водѣ! Шукали жандармы, шукала полиція... Дарма! Трофимиха уже взяла риньского, щобы дати священнику, щобы ѳтслужиль Службу за душу Трофима. Та добре, що отецъ духовный хотѣли принять, бо за послѣднёго грѣшника, который нѣколи церкви, ни сповѣди не зналь, церковь заказуе молитися. Ба тутъ она вертае, дивится—иде ктось съ батогомъ въ руцѣ, щось гей Трофимъ и не Трофимъ, бо якійсь изнуренный, почорнѣлый, мовьбы що ино где изъ пекла вырвался.. Надблизился..

— А то ты жѣнко?

Трофимиха попятилась назадъ, перекрестившись...

— То ты, Трофиме?

— Та я! Не пѣзнаешъ мене?

— А чому ты съ батогомъ? Где вѣзь, где кѣнь, где безрога?! Где ты былъ черезъ цѣлыхъ двѣ недѣли?!...

— Та богато и страшно бы казати. Мене блудъ причепился, попровадиль свѣтами, хотѣлъ видно душу съ челоуѣка выгнати бѣсовскій сынъ, та якъсь я вырвался!

— А гдѣжь кѣнь, где вѣзь?!...

Трофимъ махнулъ тѣлько рукою. Сказаль: „Блудъ причепился... заблудиль... пропали... та не докѣнчилъ, бо тутъ жѣнка, якъ не свисне его ѣтси и ѣтси по его зызоватыхъ очахъ, а Трофимъ коло самого моста лише перекотился.

Ясно и любо свѣтилося въ ѣкнахъ въ тогдѣшной старой корчмѣ надъ „Млынѣвкой“. Было то въ кѣлька день по поворотѣ Трофима. Въ селѣ ѣтъ того часу о ничѣмъ не говорили якъ о блудахъ, страхахъ, опырахъ, та о тѣмъ що то нечистый не потрафить напакостити крещеной душѣ!

Такъ якъ попри корчму черезъ село, головной трактъ, то и не диво, що того дня корчма прямо роспиралася ѣтъ множества людей, а въ ней горячо и душно, та темно ѣтъ дыма люлюкъ, та цигаръ. За столомъ при ѣкнѣ такой ѣтъ самой „Млынѣвки“ житье ажъ кипѣло, ѣтти было чути найсильнѣйшу бесѣду та гамѣръ.

Тамто засѣлъ одноокій Куба, оперъ голову о стѣну, бо дуже тяжѣла, лѣвымъ локтемъ оперся о футрину ѣкна, а праву протягнулъ по столѣ, та держаль нею за ухо объемистую гальбу. На столѣ стояло уже кѣлька порожныхъ флящинокъ ѣтъ горѣлки, та передъ каждымъ гальба съ

оставшимся ледви на днѣ пивомъ. Сегодня тѣ гальбы уже не первый разъ обѣгли вокругъ той стѣлы.

По лѣвой сторонѣ Кубы сидѣлъ, подперши обома локтями чогось похиливши голову. Игнатъ, загально кликанный людьми „Цюпачкомъ“, бо кажутъ, що загонистый былъ съ него майстеръ, похопный до работы, вѣчно щось коло хаты „цюпаль“, хотя мимо того хата цѣла выглядала опущена и нужденна.

Злобныи люди насмѣвались съ Цюпачка, казали, що лише даромъ цювоки билъ, ибо по правдѣ казати, если бы его жѣнка сама дровь не нацюпала, то и запалити не былобъ чѣмъ. За то Игнатъ вѣчно начиналъ свою роботу-цюпанину, особенно тогды, если ему горло присохло, бо така и была его майстерска привычка, що абы работа добре пѣшла, мусѣвъ выпити келишокъ, а потому или цюпаль дальше, или и нѣтъ, для него досить, що покрѣпился. Мимо гарного прозвища, Цюпачокъ, мимо що хватъ былъ до работы, никто не завзывалъ его до помочи бо говѣрили, „що плохимъ былъ на руку“.

На самѣмъ розѣ стола, гейбы на первѣмъ мѣстцѣ, розсѣлся шпакватый уже Трофимъ Воробецъ, бо не сказалъ я еще, що Трофимъ Воробецемъ писался. Добрый былъ то колись господарь, та и было на чѣмъ подарити, и жена газдыня была, якои бы ему другий позавидовалъ, та одно было лихо у него, може тому, що до церкви не ходилъ, его часто въ дорозѣ чѣпался блудъ и годѣ было ему ѳтпекатися та ѳткреститися ѳтъ нечистой силы. Той блудъ о мало его уже и житья не лишилъ.

Злыи, завистныи сосѣды говорили, що той блудъ чѣпался Трофима наибольше вечерами, коли верталъ съ праздничной или иншой гостини или ѳтъ компаниі у Гершка. Они изъ злобы и зависти не вѣрили въ Трофимовъ блудъ.

Та мимо того, що нечиста сила мала до Трофима якусь рацію, ѳнъ самъ былъ добрый и забавный человекъ, особенно якъ натрафилъ на свою компанию, и тогды можна было пѳзнати, що его прозвище Воробецъ было цѣлкомъ удачне, бо за келишкомъ чи гальбою цвѣрѣнкалъ своимъ охрыплымъ, піяцкимъ голосомъ хотяйбы и до рана.

За то жѣнку — о ту жѣнку — якось недопасовалъ Господь Богъ до его деликатной натуры та деликатного прозвища, она не цвѣрѣнкала, а такой розкудкудакавшись разъ подзѣбала бѣдного, деликатного Воробця, куда попало. Отъ и видѣли мы наочно, якъ гарно привитала она его, коли повернулъ по двоухъ недѣляхъ гдесъ ажъ ѳтъ Бережанъ чи Рогатина, куда его блудъ заманилъ, безъ безроги, коня, съ одинокими 14 крайцарами. А що въ хатѣ дѣялося, о тѳмъ и не вспоминати, досыть еще нынѣ поглянути на его покрыте синцями лице, та попѳдпухлыи, зызоватыи очи!

Куба вдивилъся нынѣ такъ любо въ своего друга, мовьбы они кѳлька лѣтъ невидалися. Та бо и любилися оба добраныи други. Ихъ все съ собою соединяло, все ихъ въ тѣснѣйшую дружбу вязало. Такихъ другихъ двоухъ чортъ уже хйба въ цѣломъ свѣтѣ не допасовалъ бы. Оба высокіи, досыть высохлыи; оба уже шпаковатѣли. Даже голоса ихъ охрыплыи были въ одинъ тонъ. Оба зызоватыи, лише що Кубы зызь не-

бѣщка жѣнка бѣльмомъ прикрыла, у Трофима за то не можно было его зызѡвъ добачити, бо николи никому прямо въ очи не поглянулъ. Обомъ даже пасовало бы и одно прозвище, та хиба не Воробья, а Блуда, бо и не разъ не-два разомъ по ночахъ блукали. Одно що ихъ рѡжнило, що Куба мешкалъ въ однѡмъ а Воробецъ въ другѡмъ поблизкѡмъ селѣ, но за то издалека сердечнѣйше любилися, та за собою тужили. Друге, що ихъ дѣлило то то, що Куба былъ латинского а Воробецъ греческого исповѣданія, но и то имъ не мѣшало, такъ якъ одинъ и другій ни до церкви ни костела не ходили, та на политицѣ не розумѣлися.

При столѣ сидѣло еще кѡлькохъ людей, та прислуховалися или и мѣшались до бесѣды. Говорили о всемъ, но наибѡльше о тѡмъ, якъ то нечиста сила въ блудъ перемѣняесь, та водить крещеными людьми по безвѣстьяхъ и ніякои рады на то нѣтъ.

На дворѣ уже такой добре потемнѣло. Година была пѡздна, при другихъ столахъ началось опорожнювати, бо и часъ былъ до дому. При столѣ Кубы никому не спѣшилося.

— Такъ мы куме, Трофиме, мали васъ уже за небѡщика, най не повторяесь бѡльше — заговорилъ Куба. Мы хотя и пріятели не допасовалися до своихъ прозвищъ — говорилъ ѡнъ дальше, потираючи правою рукою свою густую, но въ полнѡмъ неладѣ чуприну, мовьбы хотѣлъ отерти своимъ волосьемъ парующій изъ головы напитокъ. — Вамъ бы куме, Трофиме, скорше зватися Блудомъ, бо вы въ блудъ вѣрите и васъ блудъ береся, а менѣ бы Воробцемъ зватися, бо

чоловѣкъ бездомный, безъ стрѣхи, жіе съ дня на день мовь истинный воробей.

— Этъ, Куба, жартували бы здоровыи, а менѣ не до жартѣвъ по тѣмъ, щѣ на власныи очи видалъ, та щѣ самъ переживалъ. Я думалъ уже, щѣ намъ ѳтъ часу, якъ по ярмарцѣ у Фишлика видалися, уже бѣльше не то гѣститися но и не видатися на тѣмъ свѣтѣ. Принадилася якась мара, пекъ-осина ей, вчепилася якъ вошь кожуха, ты туда... она туда... Духъ св. при насъ крещеныхъ понесло бы крещену душу куда въ безвѣсть!

Почувши про мару, яка причепилася до Воробця, слушатели вокругъ стола присунулися ближе Трофима, цѣкаво отворивши уста. Цюпачокъ боязливо поглянулъ въ ѳкно, другіи потерли чело та голову, въ которыхъ и такъ ѳтъ выпитого та ѳтъ духоты баламутилося, дрощъ перебѣгъ имъ по-за кожу, одинъ Куба поглядалъ смѣло и недовѣрчиво:

— Эй, менѣ видится, Трофиме, щѣ вы готовы повѣрити, щѣ чоловѣка блудъ чѣпаеся! Я собѣ засмѣялся, та назвалъ то блудомъ, щѣ вы собѣ щѣсь двѣ недѣли балювали, бо я по забавѣ у Фишлика щѣсь ажъ другого дня вернулъ. Но куда вы бывали за той часъ?

— „По васъ бачу, щѣ вы не вѣрите, а мене таки „присяй богу“ причепилась якась мара, — говорилъ свое Трофимъ. — „Якъ ино мы вышли ѳтъ Фишлика, хотя признаюсь, того не тямлю добре, одно знаю, щѣ изъ 38 срѣбла за безрогу лишилося менѣ двѣ десятины, такъ съ чѣмъ тутъ вертати?—гадаю собѣ, а тутъ и жѣнка съ своимъ языкомъ приходитъ менѣ на гадку. Въ тѣмъ чую, чѣясь рука на моемъ карку.

Дивлюся той згѣнникъ, що у мене безрогу купилъ, таки той самѣсенкый!

— „А чога панъ хотять?“ — пытаю.

— Може бы вы мене газдо до Рогатина поѣвезли?

— Везги не грѣхъ, дармо — повезу — погадалъ собѣ.

И такъ за безрогу пропуталъ, такъ фѣрманкою ѣтроблю то. Но до Рогатина, то свѣтъ далекый. Страхъ мене зѣбралъ, хотя конь у мене сильный. А може и не ѣхати? — гадаю. А той панъ зове — „ну ѣдете, или нѣтъ?“

— А ту менѣ щось шепче: „ѣдь... ѣдь“... Таки щось мы до уха зашептало. Нынѣ я бы марѣ не далъ намовитися, но тогда не спохватился! — „ѣду“ — отвѣтилъ я коротко и торгъ въ торгъ той згѣнникъ обѣцялъ шесть срѣбла. Ну и чи не прійшлобыся за шесть срѣбла душу погубити? Черезъ его заробокъ челоуѣкъ страутилъ и свои гроши, вѣзь до того и коня, мара былабъ его причепилась, чортковского сына!

При послѣднихъ словахъ Трофимъ сплюнулъ изъ злости, пикнулъ файку кѣлька разъ голоснѣйше, та велѣлъ Гершку подати свѣжого пива.

— Такъ выѣхалъ я. ѣхалъ долго, дѣрога далека, но все таки заѣхалъ. Та тамъ ѣхали мы въ двѣйку, то нечиста сила до двохъ не береся. Тамъ мѣй паниску злѣзь, заплатилъ, що казалъ, еще и на могорычъ додалъ. Та если на могорычъ, то най иде, куда назначене и я далъ коню оброку, та самъ вступилъ до корчмы покрѣпитися. Огъ выпилъ двѣ або три рюмочки, но тямлю, що не бѣльше, перекусилъ, закурилъ, напился еще пива, заглянулъ до коня, напоилъ та

пôдъ вечеръ пустился домôвъ. Дорогу знаю, такъ и не боялся...

Но ледви выѣхаль на гостинець, якъ сейчасъ стратиль дорогу съ передь очей. „Що за мара?“ гадаю. Кôнь нѣбы перебирае ногами иде, но стоить на мѣстицѣ. Передомною мовь изъ земли вырôсь страшливый лѣсь, перше ѣхаль туда, не было того лѣса. Завертаю, ѣду до Рогатина назадъ. Досвѣтъ выѣду... Не дала нечиста сила повернути. — Духъ св. при насъ.

Цюпачокъ вытрѣщиль переполоханыи очи, та шею съ головою втягнуль въ стару опанчу, що ледво изъ неи нôсь та чоло наставилися, на которе выступиль горячій пôгъ. Пиво стояло передь нимъ не рушене. Не меньше переполохалися и другіи гости, одинъ Куба смотрѣль ôтважно.

Такъ сбился я съ дороги. Где Рогатинъ стояль, показалось менѣ мовьбы море а надъ нимъ темна мрака. Но я думаю: „пущу коня, най самъ иде, чейже коня блудъ нехопится. Ёхаль я... Ёхаль цѣлу нôчь. Гдесъ въ ночи чую, ктось иде.

— Куда та дорога? пытаю въ потемкахъ.. А оно вамъ якъ не крикне: до бѣса, песій сыну якъ вамъ не завые, не гавкне, не свисне.... ино дымъ за нимъ покурился!.. Я хотѣль перекреститися.. Рука мовь приросла, не кивну нею. Хотѣль помолитися.. та що зачалъ „Отче нашъ“, то помылится, та опять съ кôнца начиналь. Хотѣль кликати о помôчь, та где тамъ... самъ свого голосу не почувъ... Замкнуль я очи, та пустиль коня крокомъ, думаю „най дѣся Божа воля“...

— Та не могли, куме, зѣхати где на бôкъ, та кинути чого коневи, а самому перележати до

рана на возѣ, та такою блуканиною могли на правду бѣду собѣ приключити — заговорилъ резолютно Куба Блудъ.

— Та я вкѣнцѣ и заснулъ такъ на возѣ. Рано збудилъ мене гамѣръ коло мене. Съ страхомъ открываю очи... на дворѣ бѣлый день, коло мене кѣлькоро людей. А славити Бога, що попалъ на крешеныи души! Где я? — запыталъ я.

— Где? А отъ въ моей пшеницѣ! — отвѣтилъ злобно якійсь челоувѣкъ. — Мы самыи знаемъ, що мы крешены, но ты чортѣвскій сыну навѣрно некрешеный, если по ночахъ людямъ працю нищишь, та съ конемъ еще и съ возомъ въ пшеницю лѣзешь! Дивись, вражій сыну, якъ ты менѣ всю пшеницю вытолочилъ! Пане начальнику — озвался ѣнъ до высокого, крѣпкого челоувѣка, — приарештуйте его, най таксаторы оцѣнятъ шкоду, до суду съ нимъ, если не умѣе керватицѣ цѣнити. А то заволока якась!

— Заволока? Ты самъ заволока! Я може лучшій газда якъ ты! — О! мене уколело то слово пѣдъ само сердце! Чуєте мене, газду, сякій-такій заволокою зове...

— Зрозумѣйте мене добрыи люди, я вертаю съ Рогатина до Жидачева, по дорозѣ мене блудъ чепился, волочилъ мною цѣлу нѣчь добре, що душу съ челоувѣка не вытиснулъ!

— Га, га, га! — Розсмѣялися тѣ люди. — Его блудъ чепился!... Где Жидачевъ, где Рогатинъ, а где Бережаны! Та ты не небоже ажъ пѣдъ Бережанами, ты на потуторскѣмъ полѣ!

— Тебе не блудъ, а жидѣвска паруха туда завела — заговорилъ якійсь сухорлявый. „О далбы я ему паруху, кобы ѣнъ менѣ тутъ пѣдъ ру-

ку навинулся“, сказаль, затискаючи кулаки, та пускаючи клубы дыма съ люльки розлюченый Воробецъ.

— Отъ него еще смердюху чути и теперь! О то собѣ того дару потягнулъ, що ажъ пѣдъ Бережаны въ людску кривду загнался. Чекай, не боже, выгонимъ мы съ тебе блуда, щобы бѣльше тебе не чѣпался.

При згадцѣ тѣхъ слѣвъ зызоокій Воробецъ почухрался по неприличной части тѣла, мовьбы и она ту згадку собѣ пригадала.

— Мене съ конемъ та возомъ повели до громадской канцеляріи, тамъ мене затримали, ѳтти ѳтдали мене до Бережанъ до суду, та присудили заплатити шкоду — що говорити съ недовѣрками про блудъ, бодай ѳнъ ихъ на всегда вчепился. Досыть, що съ Бережанъ пустился я до дому, но уже на пѣшки. Вѣзь та коня продалъ за пятьдесятъ-два срѣбла такой въ Бережанахъ, бо шкоду заплатиль. Мои гроши, які имѣлъ за безрогу, бѣда гдесъ забрала, а коня не было чѣмъ годувати. Такъ добре, що купили. Та пѣшки справился въ дорогу.

— Верталъ я все днемъ, держался гостинця, а ино на дворѣ смеркало, я на нѣчь до корчмы. Не дурный, щобы нечистый опять въ блудъ не пустилъ! Такъ добился и опять въ Рогатинъ. Тутъ переночеваль, рано покрѣпившись, гайда въ дорогу! А бѣда за мною... Видно уже гдесъ якась нечиста сила на той дорозѣ! Може где коли тамъ яка нужда повѣсилася або утопилася, бо такой присягну вамъ, що на той дорозѣ чѣпаеся блудъ крещенои души! Ну, щобы то въ

И-59573

14.540.

ночи! А то такой въ бѣлый день! Я лише въ чисте поле — а менѣ такъ спати хочеса, очи ажъ липнуть, ноги колишутся... Ино кладися гдени-будь...

Га, думаю собѣ, не дамся. Туда мене бѣда пѣдходить... сномъ... Ага?! Человѣкъ ино засне, а тогда его задусить!

Туть видно было якъ на слово: задусить—Цюпачокъ и другіи скоро перекрестилися, а старый Онисимъ тревожно поглянулъ въ ѳкно, чи не суне ѳтти яка нечиста мара...

— Я спѣшилъ, що силъ стало, все напередъ, себе... а туть коло лѣса, где двѣ дороги... дивлюся — три дороги...! Я затамилъ было двѣ, а туть три. Кудажъ менѣ теперь дѣтися? А туть уже и вечерѣе; въ полѣ ни живои души! Я перекрестился, та напередъ, а туть ни ѳтси ни ѳтти якійсь панъ, высокій, гибкій якъ струна, ноги тонкіи, высокіи мовъ у бузька, на головѣ высокій, чорный капелюхъ — иде та посвистуе, а съ цигара пускае дымъ мовъ изъ комина! Гмъ... гадаю собѣ... туть я дивился, не было ни живои души, а туть уже и якійсь панъ, та ще и посвистуе, цѣлкомъ, якъ той тогда свиснулъ, коли мене блудъ напалъ.

— Но разъ я пустился... иду... а туть панъ изчесь — по дорозѣ впередъ мене иде лише его высокій чорный капелюхъ. Въ томъ на дворѣ смеркае... Туть была дорога, а туть я уже передъ якоюсь брамою, а за нею цминтарь-грѣбъ за гробомъ, а на каждѣмъ грѣбѣ свѣчка горить. Я сплюнулъ, перекрестился, тай нуже чѣмъ-скорѣйше въ противный бѣкъ...

Иду... иду. . передомною опять цминтарь съ освѣченными гробами, а по серединѣ той самъ капелюхъ... Тутъ хиба менѣ уже и смерть!

Такъ кôлька разôвъ пускался я въ противный бôкъ, а нечиста сила тягне мене все-таки на цминтарь, а все той капелюхъ съ того пана передомною, а спати такъ хотѣлося, силы такъ опускали, шо лише лягай, та хиба тутъ тобѣ, бѣднѣй Трофимъ Воробецъ и конецъ! Ахъ, якъ не збере мене страхъ, якъ не розплачуся, а вкôнцѣ якъ не зачну кленути, якъ лише зналъ, на чѣмъ свѣтъ стоитъ, а капелюхъ изъ передъ мене скочилъ, завылъ, та исчезъ, за то изъ далека виджу, шось мовъ величезна палата, така яку може у Вѣднѣ ставлять, цѣла въ свѣтлѣ сїяе... Все одно думаю собѣ, все тамъ бодай жива дуде... обертаюся тракратно вокругъ себе, сплюнулъ позадъ себе, перекрестился тай наперекрѣ, куда очи поведуть, за свѣтломъ до палаты.

Иду... иду... на дворѣ тихо... пôтъ съ чола тече мовьбы кôлька день молотилъ, а сорочку мôгбы крутити мовъ по зливѣ. Чѣмъ ближе палаты, тѣмъ она малѣе... свѣтло блѣднѣе и уменшаєсь, наконецъ я передъ нею, дивлюся, а то корчма, та щô передъ Ходоровомъ... знаете ту корчму въ поли? Ахъ! Славажъ тобѣ Боже! Ôтси уже якосъ дошкандыбалъ до дому... та добре, шо души по дорозѣ не ôтдалъ... Не намовить мене бôльше никто до фѣрманки!

Тамъ въ корчмѣ переночевалъ, бо пôзна уже была пора, а ôттамъ — скоро свѣтъ — пустился до дому, та вернулъ съ четырьнадцатю крейцарами ледви шо теплый. А вы куме, Куба, каже-те, шо невѣрите въ блудъ, вы смѣялися съ мене.

А я такой вѣрю, якъ вѣрилъ и мѡй небѡщикъ батько, що менѣ неразъ про то розказувалъ, якъ то блудъ чѣпаеся людей.

Всѣ присутствующіи покивали тѡлько головами; Онисимъ хотѣлъ сказати, що ему говорила баба, якъ то разъ нечиста сила въ чорного кота, а потому въ пугача перемѣнилася.

Заговорилъ що-то и Цюпачокъ, що розказують старыи люди, що коло старого цминтара що-то страшить та пугае, а на болотахъ якійсь огонь по ночахъ сверкае, що то нечистый съ свѣтломъ закопаныхъ грошей шукае, а всѣ слухали; видно было, якъ имъ на головѣ волосы изъ страху дыбомъ ставали, но тутъ бесѣду перебилъ имъ славный Куба.

Онъ неразъ верталъ изъ всякой оказіи нѡчь не нѡчь, дождь не дождь, зима не зима, по-при цминтаръ чи по-при болота, верталъ и тверезый, однакъ чаще пьяный, а николи нѣкои мары не встрѣтилъ, та и блудъ его николи не брался. Онъ все то выслухалъ, выпилъ свое пиво, розбудилъ рудого Гершка, который, отворивши широко ротъ, храпѣлъ на цѣле горло, та велѣлъ подати свѣжого пива.

А на дворѣ уже около пѡлночи. Темно, хотя око выбирай!

И дѣйствительно до теперъ въ селѣ про блудъ никто не зналъ, та блудъ никого тутъ николи не чѣпался.

— А я такой не вѣрю въ блудъ — озвался онъ гордо и самоувѣренно ударивши крѣпко кулакомъ въ стѡлъ, ажъ гальбы зазвенѣли, а опять задрѣмавшій Гершко пѡдскочилъ, мовѣбы его кто припѣкъ.

— Вамъ таке лише привидѣлося. Вы, куме, имѣли гарный грѣшъ при собѣ и за безрогу, за фѣрманку за вѣзь та еще и за коня, та чому при такихъ грошахъ и блудъ не стрѣтилбыся! Та я знаю, якими мы ѡтъ Фишлика розѡшлися. Досыть я ходилъ всюда, та блуда не зазналъ, пѡйду вамъ коли хочете и куда, та где хочете и жадной мары не боюся.

— Эй, куме Куба, якъ-бы вамъ сталъ такой капелюхъ, а опѡсля цминтарь, та свѣчки на могилахъ передъ очима то хиба бысьте уже и живыми не вернули! Що говорити про страха тому, кто еще ему въ очи не заглянулъ. Вы теперь и коло старого цминтара не перейшли бы!

Образилъся на тѣ слова кумъ Куба, що его ѡтвагу такъ мало кумъ цѣнить, а его и такъ ѡтъ пѣятики червоне лице еще бѡльше почервонѣло, а однокое око блысло завзятостію и ѡтвагою.

— Ану о закладъ, Трофиме! Що платите, я вамъ нынѣ и на цминтарь пѡйду, тай тамъ на первѡмъ крестѣ свою хустину на знакъ заложу, завтра всѣ побачите! Що платите куме? Ну закладъ?

Всѣ присутствующіи поглянули недовѣрчиво на Кубу Блуда; въ то они бы не повѣрили, теперь о пѡлночи на цминтарь?

— Чи збожеволѣли вы Куба? Та то легко по келишку та шклянцѣ говорится, а таки при цминтарѣ щось страшить — озвался Трофимъ.

— Страшить, не страшить, а я таки готовъ пѡйти. Лише о закладъ... — говорилъ свое Куба.

Та зызоватый Трофимъ Воробецъ, который ту нечисту бѣду самъ на собѣ добре пѡзналъ,

и въ блудъ такъ вѣрилъ, якъ въ то, що по нынѣшней забавѣ его жѣнка опять сердечно его привитае, не далъ Кубѣ за выгране.

— Плачу вамъ пять гальбъ пива завтра — сказалъ Кумъ Трофимъ — но маете такой быти на цминтарѣ и на первомъ лучшомъ крестѣ знакъ лишити, потомъ вернете до моеи хаты, тамъ разомъ переспимо въ стодолѣ, а раненько вы Трофиме и вы Игнате подивитесь, чи буде знакъ на крестѣ.

— Такъ о закладъ! — пѣдхопилъ Куба. — Ударили по рукахъ. Шѣсть гальбъ завтра! — А не буде знаку? Такъ вы шесть менѣ — отвѣтилъ такѣй самоувѣренный Воробецъ.

На гуморъ та ѳтвагу Куба выпилъ ше одну добру мѣрку крѣпкои, затисъ капелюхъ, та и не попрощавшися съ никѣмъ, счезъ середъ нѣчнои пѣтьми.

Въ кѣлька хвиль розѣшлися всѣ, хотя каждый якъ мѣгъ скорѣйше утѣкалъ домѣвъ, боячися, щобы нестрѣтити пана або капелюха, або зловѣщого свиста передъ собою не почути.

Таки тои ночи еще случилось Трофиму опять нечистого почути. На дорозѣ до сосѣдно-го села, заразъ за селомъ коло мѣстка, попѣдъ который плыве съ моклакѣвъ та съ охакѣвъ вода, почувъ ѳнъ якъ щось плюснуло и застогнало... Волосье стануло ему дыбомъ, сердце затолклося мовъ молотомъ, въ очахъ потемнѣло, а бѣдный Трофимъ перекрестившися, нуже що силъ утѣкати до дому. Позабылъ и на закладъ, що долженъ былъ въ стодолѣ спати; забылъ, що жена ожидае его съ сердечною гостиною, а

допавшиися дверей нуже пукати до нихъ та до
ѡконъ, такъ що всѣ въ хатѣ зѡрвалися на рѡв-
ныи ноги.

На другій день робѡтники, идучи въ поле,
нашли славного Кубу Блуда въ водѣ коло мѣст-
ка. Упалъ якось лицемъ въ ту, плитку на тѡмъ
мѣстци воду, та тутъ нашель конецъ своему сла-
вному житью. Не стало ѡгъ теперь славного Ку-
бы, не стало вѣрного друга Трофима, та вѣрно-
го гостя рудого Гершка.

Но тутъ не конецъ Кубѣ, та и не конецъ
повѣстцѣ.

Хотя не стало Кубы, осталася память по
немъ, а именно потѡкъ, въ которѡмъ Блудъ на-
шелъ свѡй конецъ, прозвали люди ѡгъ его име-
ни „Кубанею“, та остала еще и друга памятка, а
то его славне прозвище; бо ѡгъ его смерти лю-
бить на „Кубани“ при мѡстку причепитися людей
блудъ, та ними покрутити и настрашити. Осо-
бенно небѡщикъ Куба любилъ по смерти до тѣхъ
причѣпатися блудомъ которымъ за житья въ
старой корчмѣ надъ „Млынѡвкою“ товаришу-
валъ.

Казали гдекоторыи, особенно пѡзнѣйше ѡгъ
Гершка вертали, що наочно видѣли Кубу въ ве-
ликѡмъ, панскѡмъ капелюсѣ, якъ дивился на
нихъ сердечно своимъ однимъ здоровымъ окомъ,
якъ прижмурюваль тѣмъ другимъ съ бѣльмомъ;
видѣли якъ пускаль дымъ съ горѣючого сига-
ра, а гдекоторыи чули, якъ поступалъ за ними
та шепталъ: ходѣтъ со мною на старій цмин-
тарь, не бѡйтеся блуда, тамъ поставимо знакъ на
крестѣ...

Были и такі, которымъ при веселой забавѣ у рудого Гершка въ старой корчмѣ показался и то за плечима или въ ѡкнѣ, та моргаль однимъ окомъ, та псоваль имъ цѣлу забаву...

Пѡзналъ въ коротцѣ и рудый Гершко, що любить блудъ ходити по свѣтѣ, бо ѡтъ якогось часу почала корчма пустками свѣтити, уже вечеромъ, тобысь ланцухомъ никого въ корчмѣ не удержалъ. Кажуть, що Гершку мали причутися черезъ кѡлька ночей: где моя хата, моя нивка?...

По кѡлькохъ лѣтахъ „Блудъ“ пересталъ показоватися людямъ, головно ѡтъ часу, якъ рудый Гершко оставилъ стару корчму пустою, а ѡкна и дверѣ позабивалъ дошками.

Кажуть, що „нема зла, чтобы на добро не вышло“. Такъ и смерть Кубы Блуда, хотя и страшна, вышла на добро. Опустѣла корчма, люди по вечерѣ дома сидѣли, не марновался гѡрько и тяжко запрацѣванный грѡшъ. Люди въ молитвѣ и церкви шукали защиты и опѣки передъ всякимъ дѣвольскимъ блудомъ, а если который часомъ и розохотился, такъ являлся за нимъ „Блудъ“ съ однимъ моргающимъ окомъ и тихо шепталъ: „ходи не бѡйся, на цминтарь!“

Оповѣдають, що ѡтъ часу, якъ плюснуло коло Трофима Воробця на „Кубани“, то и ѡнъ хотя якъ любилъ стару корчму и рудого Гершка за сокровище свѣта туда вечеромъ не заго-стилъ бы. Чи передъ смертію Воробецъ покаялся цѣлкомъ, не знаю, кажуть, що горбатого и могила не направить.

Если бы такъ нынѣ воскресли славный Куба или Трофимъ или хотя бы и Цюпачокъ, то не пѡзнали бы ни своего села ни сосѣднихъ. Все

тутъ нынѣ змѣнилось. Люди мовь не тѣ, тверезыи, статочныи, господарныи. „Кубаня“ плыве собѣ, якъ колись плыла, блудъ меньше людей напастуе, бо нема кого и за що. Стара корчма свѣтила еще долгое время пустками та обдертыми стѣнами на пострахъ села. Нынѣ еѣ двѣрѣ розѣбралъ. И рудого Гершка давно не стало.

Вправдѣ есть другій Гершко въ селѣ, та найдутся часомъ люди, що до пѣзна забавятся, то ихъ жѣнкамъ раджу, не витати ихъ, якъ колись Трофимиша зывоватого Воробця, а прочитати имъ про „Кубу Блуду на Кубани“, якъ однимъ окомъ моргае на долго забавляючихся въ корчмѣ, а думаю, що и нова корчма пустою засвѣтитъ.

Изъ поэзій Степана Шаха.

1.

ПОКРЫТКА.

Тамъ у полѣ при тополѣ,
Де чорна тернина.
Породила дѣвча въ болѣ
Неправого сына.
Породила и повила
У шматы старыи,
Ой, повила и положила
Камѣня тяжкіи.
Нахилилась, подивилась
На власну дитину
И поплакала надъ нею
Сердечно зъ годину;
И крестила и молила
За душечку Бога,

А вѳдтакъ въ рѳку пустила
Первородка свого.
Ой, заплакало сердешне
Дитяточко гоже
У послѳдне на водѳ ще
Въ русалчинѳмъ ложѳ...

А на березѳ зъ розпуки
Страшнои рыдала
И безнадѳйно бѳли руки
Дѳвчина ломала!
Тай нещасна — она красна
Вернула до дому,
Но нѳколи не вернула
До розуму свого...

2.

Чи е яки у мене взагалѳ
Пріятели сердечныи на землѳ?
Були! богато, о, богато я ихъ мавъ...
Но ни одного ябъ сердечнымъ не на-
[злавъ!

3.

ПѳСНЬ ЦЫГАНА.

Я не орю, я не сѳю,
Надъ плугомъ не гнуся,
Але жити въ свѳтѳ вмѳю,
Зѳ всего смѳюся!

Ани жну я, ани кошу,
Ни сноповъ не звожу,
Але маю, що захочу,
Все собѣ приношу!

Не молочу, не млынкую
И млына не знаю,
Але сытый, не бѣдую,
Тай хлѣбець все маю!

Я веселый, коли гордо
Ковальце дзвѣнкоче,
Я спѣваю... а ту Марта
У шатрѣ дрѣбоче:

Марто, Марто черноока,
Ты раемъ для мене,
Прочь вы люди, прочь робота,
Мы е всѣмъ для себе!

Я си цыганъ кучерявый,
Молодецъ зятый,
Я хочь черный, но румяный,
Я ихъ вождь завзятый!

А ты Марто съ орлимъ носомъ,
Ты красно вѣрменська...
Мы цыгане вѣдь прадѣда,
Наша кровь цыганьска!

4.

Шукаешь правды на землѣ,
Отту помеже нами?

И думаешь найти еѣ?
Наивный мой!.. шляхами
Не тьми, що и ты, иде
Она собѣ по свѣтѣ..
Найдешь еѣ мабудь уже
На смертноѣ зимноѣ цвѣтѣ,..

5.

Нѣчка тепла, а холодить,
Мѣсяць свѣтитъ, а не грѣе,
До дѣвчины хлопецъ ходить,
Но любити ей не вмѣе.

Чи не вмѣе, чи не хоче,
Богъ одинъ тамъ его знае,
А дѣвча кервавить очи
И марнѣе, пропадае...

Залюбилася щиренько
Вперше — майскою любовью,
Клонить русу головоньку,
Проклинае свѣтъ та долю,

Она чудна мовь русалка,
Она жити бы хотѣла
Она ранняя фіялка,
Она весну бы красила!

Нѳчка темна, а ходить,
Мѳсяць свѳтитъ, а не грѳе,
До дѳвчины хлопецъ ходить,
А у неи — серце млѳе..

6.

Закувала зазуленька
На черемсѳ у садѳ,
Заплакала дѳвчинонька,
Що миленькій на войнѳ.

Заплакала, зарыдала
Та залялася слѳзмы,
Бо и чутка вже пропала,
Чи повернеся зъ вѳйны.

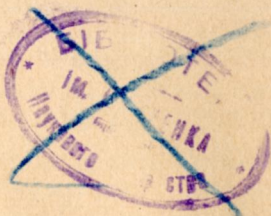
Пишуть други жовняроньки,
Що здорово ще жѳють,
Но о милѳмъ дѳвчиноньки
Ничо знати не дають.

Тягнесь мѳсяць, тягнесь другій,
Ба — и третій вже минувъ,
Повертались, що жили,
Лишь миленькій не вернувъ!

Не вернувся, щобъ дѳвчину
До серденька притулить

И не верне, щобъ калину
На ей гробъ посадивъ...

На черемсѣ у садочку
Сѣра пташка все куе...
Но дѣвчина вже не плаче,
Бо давно вже не жіє!

Свой до своего!

Свой до своего!

БЮРО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

при Обществѣ им. М. Качковского

предлагаетъ для продажи по умѣреннымъ цѣнамъ:

ГОСПОДАРСКІИ МАШИНЫ: жатвенныи, молотилки, вѣялки, плуги и пр. изъ лучшихъ фабрикъ.

КОСЫ изъ лучшей стирійской и шведской стали.

ШТУЧНЫИ НАВОЗЫ съ ручательстромъ за ихъ доброту

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ, прусскій и краевый.

При машинахъ и при заказахъ штучныхъ навозовъ цѣлыми вагонами даемо значныи опусты.

Допускается кредитъ.

Цѣны сообще мь сейчасъ по запросу.

Заказы слѣдуетъ присылати завчасу.

 Не давайте обманювати себе разнымъ агентамъ-проходимцамъ! Не лакомитса на дешевый товаръ и на довгий кредиты, бо все тое обойдетса вамъ дуже дорого.

Большии дорожшии машины (жатки, молотилки, вѣялки и др.) купуйте для вспольной работы по нѣсколькы господарей разомъ. Тогда такая машина оплатитса и меньшому господареву.

Купуйте все только у своего — черезъ Бюро посредничества!

035
И 59.573

Найпевнѣйше складати гроши на
процентъ
въ центральному русскому кред. товариству.

„ЗАЩИТА ЗЕМЛИ“

во Львовѣ.

Отъ вкладокъ платится $4\frac{1}{2}\%$ и оплачивается рентовый податокъ.

Большія суммы и на долгое время принимается на окремыхъ условіяхъ.

Владки ошадности въ „Защитѣ Земли“ мають полное обезпеченье бо „Защита Земли“ употребляетъ вкладокъ на купно земли или на позички для танихъ людей, що ручать за сплату позичокъ своєю землею.

Кто хоче зложити въ „Защитѣ Земли“ свои гроши нехай напише картку кореспонденційну а контора вышлетъ чекъ почтовой щадничой касы, которымъ присылка грошей послѣдуетъ безъ всякихъ коштовъ.

Адресъ : Львовъ ул. Армянская ч. 3.

ИЗДАНИЕ ОБЩ. ИМ. М. КАЧКОВСКОГО

Мартъ 1914.

Ч. 459.

↑
↑
↑

Ю л и с я

О у ч и с я

Т р я д и с я

Т р е з в и с я

↓
↓
↓

Куба Блудъ.

Повѣсть изъ недавнихъ временъ,
больше правды, меньше байки.

Написаль

Антоній Ивановичъ.

Изъ поэзій Степана Шаха.

ЛВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Станроцкійского Института
подъ управленіемъ М. Редца.

За редакцію отвѣчаетъ : Филиппъ И. Свистунъ.

Цѣна 30 гел.